

ПЕРВАЯ МАЕВКА

БЫЛО ВОСКРЕСЕНЬЕ. После серых дождливых дней появилось солнце, и набережную Сухоны заполнила публика. И никто не удивился, когда от пристани Северо-Двинского пароходства отчалили две лодки: кататься по реке в Великом Устюге любили. Только один из купцов, бывших рядом, заметил:

— Никак, ссыльные.

— Они самые, — отвечали ему.

И вдруг набережная замерла. Произойди какое-нибудь чудо, оно бы меньше поразило гуляющих, чем красный флаг, поднятый на лодке в этот майский день 1905 года.

Трепетало знамя на свежем весеннем ветру, а те, кто пограмотнее, глядя ваясь в надпись, по слогам складывали еще более смелую, чем полотнище, фразу: «До-ло-й са-мо-дер-жа-вие!»

Далеко за городом, за бывшим Яковским монастырем, в память о первой маевке установлен своеобразный монумент: знамя, которое будто после порыва ветра вдруг навечно застыло. По доброй традиции приезжают к нему девушки из Великоустюгского педагогического училища в самый знаменательный для себя день — день выпуска. Но вот и сегодня они здесь, пришли посадить цветы возле памятника. Потом присели перед возвращением, примолкли.

— Может, и они вот так же кружок тут тогда расположились? — тихо промолвила Валентина.

А Лия Павлова, секретарь комитета комсомола училища, глядела на старую дорогу, по которой девушки сюда добирались, и неожиданно сказала:

— Девчата, а ведь этот проселок и в то время тут проходил. Зачем же ссыльные устроили маевку в таком... доступном месте?

Мысль о том, что памятник установлен не там, где состоялась первая маевка, показалась сначала нелепой. И все же Лия решила посмотреть документы архива.

Весть о красном знамени быстро разлетелась по городу. Полицейский пристав Великого Устюга господин Ильин узнал о лодках, разумеется, не последним. Через четверть часа его помощник уже «шел по следу», чтобы выяснить, «какие именно надписи на флаге и кто катается».

Демонстранты приближались к раскинувшейся на противоположном берегу Дымковской слободе. То ли дымковцы были заранее предупреждены о маевке, то ли стихийно сошлись на реке, словом, подплывающих

встречали приветственными криками.

Но митинг не удался: третий человек уже был на середине Сухоны. Политссыльные, так и не ступив на землю, снова взялись за весла...

— Я их знаю, — суетился некто Соколов, вытаскивая нос лодки помощника пристава на берег. — Лапия, Полуботко, потому этот... грузин.

— Все? — спросил полицейский. — Их же девять.

Остальные Соколову были неизвестны.

— Революеры у них, — уныло сообщил он.

Помощник пристава возвращался в Устюг. Требовалось подкрепление.

Если бы не Т. Ф. Отева, директор Великоустюгского филиала архива Вологодской области, Лия бы вообще «утонула» в бумагах фонда полицейского надзора. Под самый купол церкви, где помещался архив, уходили стеллажи, заставленные «делами». Не одну серую папку пришлось просмотреть, чтобы точно установить маршрут демонстрантов (на этот счет существовало три версии).

Но мало-помалу то далекое прошлое открывалось ей еще одной стороной: участием в революционной деятельности учителей. По донесениям полиции, летом пятого года педагоги начальных училищ города и даже гимназисты «находились в активном общении с политическими ссыльными». В глубинке же многие вели антиправительственную пропаганду. Учитель Грибошинского земского училища Макар Воронин призывал крестьян не платить податей и не повиноваться чиновникам. Илья Шушков собирал сельские сходки, на которых публично уничтожался портрет монарха и выносился приговор: «Царь не батюшка, не помазанник божий, а кровопийца». В «деле о противоправительственной демонстрации 1906 года» в Великом Устюге говорится об участии в ней «учителей Гвоздкова и других»...

«А ведь в училищном музее об этом нет ни строчки», — подумала Павлова.

Этот упрек она адресовала себе.

Маевка же, как ей удалось установить, состоялась на Гребешке — самом высоком обрывистом месте излучины реки перед городом.

К берегу против земской больницы лодки пристали не случайно. Здесь лежал Ф. И. Сучатов. Если бы не болезнь, он был бы сейчас тоже под красным знаменем.

Пройдя мимо богоугодного заведения, группа направилась к селу Яково. Услышав суровые, величественные слова пес-

ни «Вставай, проклятым заклеименный», бабы, сидевшие у ворот, перестали грызть орешки. Какой-то древний старик перекрестился. Конечно, он не мог предвидеть, что ровно через год в бору под его деревней соберется уже 200 человек, и не в глубь леса, а в Устюг пойдут они, чтобы провести митинг в городском саду...

На Гребешке политссыльные остановились. В. А. Белов прикреплал флаг к стволу молодецкой сосенки.

— Товарищи, — сказал К. С. Сапрыгин. — Уже близок тот час, когда программа, начертанная на нашем знамени двумя этими словами, свершится...

Оратор еще не закончил свою короткую речь, как на поляне показалась полиция. Демонстранты стали ближе к флагу. Зная, что они вооружены, пристав ограничился только установлением их личности.

Я. М. Вашихидзе, С. Ф. Горденин, П. А. Грожан, Е. Т. Сотин, В. С. Спирихин.

А через три дня в Устюг прибыл полковник губернского жандармского управления...

Как сложилась дальнейшая судьба этих людей? Входили ли в состав группы РСДРП, которая была организована в октябре 1905 года, учителя? Кто писал листовки для Великоустюгской подпольной типографии?

На эти вопросы, возникшие у Павловой во время работы в архиве, еще предстояло искать ответ. И она — деловой человек — уже составила инициативную группу поиска. Ведь в училищном музее, как девушка теперь ясно видела, очень недоставало раздела о революционной деятельности учительства уезда.

Но пока нужно было решать вопрос с памятником. Лия спешила в городской комитет партии, и ей почему-то казалось, что перенести монумент сложнее, чем дом или дорогу...

Накануне праздника делегация педучилища направлялась на Гребешок. Все уже знали, что памятник стоит на новом месте. А Павловой оно было хорошо известно. И хотя спутницы Лии задавали много вопросов, девушка была молчаливее обычного. В кармане ее куртки лежал пропуск на праздничную трибуну. Завтра, во время первомайской демонстрации она будет стоять среди лучших людей своего района.

И ей казалось, что этот пропуск — приглашение к тем добрым делам, свершить которые ей предназначено в жизни.

А. ШПЕКО.
(Спец. корр.).

г. Великий Устюг
Вологодской области.